

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

"NOVOYE RUSSKOYE SLOVO" 178-2nd Ave. New York

VOL. XIX. No. 6013.

SUNDAY, JULY 14, 1929.

ВОСКРЕСЕНЬЕ 14 ИЮЛЯ 1929

ТАМ, ГДЕ УМЕР ЧЕХОВ

К 25-летию со дня смерти

От Мюльгейма — небольшого городка у французской границы — старомодный провинциальный трамвай довозит в двадцать минут до Баденвейлера. Маленький поселок — всего 900 постоянных жителей — почти ничем не отличается от множества других немецких курортов, таких же чистых и таких же по-немецки уютных. ...Баденвейлер — очень оригинальный курорт, — писал отсюда в Москву Чехов, — но в чем его оригинальность, я еще не узнал себе. Масса зелени, очень тепло, домики и отели, стоящие особняком в зелени. Воображаю, какая здесь скука вообще.

Курортный городок не сохранил почти никаких внешних следов пребывания в нем Чехова, во в кругу нескольких близких Антоны Павловичу лиц, заботливо поддерживающих память обо всем, связанном с его именем. Здесь еще живет доктор Шверер, который был не только врачом, но и другом А.П. в последние недели его жизни, и жена его, русская по происхождению, москвичка Е. А. Живаго. Их дом служит как бы музеем воспоминаний о Чехове: книги, которые он читал, его фотографии, большой бюст, с которого отливали бронзовый памятник Чехову, некоторые мелочи его быта, записки. Здесь и теперь частой гостьей бывает О. П. Книппер во время своих приездов в Баденвейлер.

А этим летом здесь поселился К.С. Станиславский. По утрам на прогулке он встречается с Шверером, и о чем бы они ни говорили — беседа почти всегда переходит на близкую обоим тему — об Антоне Павловиче.

Мы сидели с Шверером в его рабочем кабинете до поздней ночи. Доктор перебрал старыя воспоминания о Чехове и хотя говорил по-немецки, но называл его "Anton Pavlovitch".

Вот эти едва-ли известные подробности последних недель жизни А.П.

Антон Павлович с трудом объяснялся по-немецки, и то, что Шверер понимал по-русски (он бывал в Москве в семье своей жены) склоняло Р.Ю. Таубе, дежущего Чехова, послать его именно в Баденвейлер. Впрочем, в сложных случаях обязанности переводчицы исполняла О.П. Книппер. Несмотря на застенчивость и замкнутость, которая так свойственны были Антону Павловичу, — уже несколько дней — прежде между врачом и пациентом установились добрые, чисто приятельские отношения. И так характерно для Чехова, что он переделал Шверера на русский лад и стал называть его не Herr Doktor, а «Иосиф Федорович». Это всех забавляло, и Антон Павлович объяснил Швереру, что этим он подчеркивает свое доброе отношение к нему. В Москву он, между прочим, писал: «лечит ме-

ня здесь хороший врач, умный и знающий».

Стояли теплые солнечные дни, и почти каждый день Чехов отправлялся с «Иосифом Федоровичем» на прогулку в Обервейлер или другие окрестности деревни. Разговор велся на смешанном русско-немецком языке: Чехов говорил больше по-русски, его собеседник — по-немецки. Чехов любил рассказывать о своей поездке на Сахалин, о России, о Толстом. Он то и дело вынимал свою записную книжку и отмечал в ней всё, что привлекало его внимание: смешная немецкая фамилия, уличный деревенский эпизод, какой-нибудь курьезный местный обычай, чистые крестьянские дома. А когда попадались ничем не отторженные от дороги фруктовые сады, — то Чехов не упускал случая объяснить своему спутнику, что в России это немисливо, что каждый прохладный попользовался бы в чужом саду. Подолбывая по записной книжке, он говорил, что когда вернется в Москву, то напишет такую веселую и смешную повесть, «какой вы никогда еще не читали». Вообще, он очень дорожил своей записной книжкой и часто говорил: «Купите у меня скотет. Дешево продам, особенно, если он оптом». Вообще, последнее время он был очень благодушно настроен, ему казалось, что дело идет к выздоровлению, он мечтал после Баденвейлера поехать в Италию и к осени вернуться в Ялту через Константинополь. Иногда он гулял в местном парке. Здесь у него было излюбленное место, откуда Чехов любовался Вогезами. Впоследствии ему на этом месте был поставлен памятник.

Однако, короткий период улучшения сменился упадком сил. Протулки, даже в эпизодах, стали его утомлять и большую часть дня он проводил у себя на балконе. Кроме жены и Шверера постоянным гостем здесь был мюнхенский студент-медик фон Рабенек, который бездельством, с трогательной заботливостью относился к А.П. С балкона Чехов с любопытством следил за всем происходившим на улице, особенно его занимало движение у почты.

— Вот что значит культурная страна, — говорил он, — каждый человек пишет и получает письма.

Он очень интересовался событиями в России, и, так как русские газеты приходили с опозданием, то Шверер привозил каждый день «Берлинер Тагесблатт» и местную «Фрайбургер Пайтунг», которые вслух переводила О.П.

Вскоре, вследствие ослабления деятельности сердца, А.П. уложил в постель. Врач наложил его состояние серьезным, но не угрожающим непосредственно жизни. Однако, в четверг 14-го июля он проснулся в час ночи от сильна-

го удущья. Послали за Шверером: он дал ему кислород, и А.П. стало настолько лучше, что О.П. оставила его и вышла на балкон. Шверер попросил Рабенека сидеть в аптеку за запасным баллоном кислорода. Это уславило А.П. и совершенно споймало его:

— Не надо, не ходите, я уже раньше, чем вы вернетесь...

Рабенек всё-таки отправился в аптеку. Прошло несколько минут. Антон Павлович перевел дыхание, склонился на левый бок, и жизнь остановилась...

Можно предположить, что мысль о смерти была у него и раньше. За несколько дней до кончины он просил, чтобы деньги, которые ему выслались, были отправлены на имя О.П. Фонда его сиротки, почему, он сказал:

— Да так, на всякий случай.

В гостинице «Зомер» (ныне «Парк-Отель») Чехов занимал комнату №49 в первом этаже. Недавно К.С. Станиславский показывал запечатлеть на фотографии ее внутренний вид, но от этого пришлось отказаться: в комнате ничего не осталось от чеховского пребывания. Окна, внутреннее устройство и убранство изменены. Только балкон с видом на Вогезы, которым любовался отсюда А.П., всё тот же. Не осталось и памятника Чехову, поставленного в парке в 1908 году. На втором году войны, когда в Германии происходили принудительный сбор металлов на военные нужды, бронзовый бюст сняли с пьедестала и отправили в Мюльгейм, а оттуда в Карлсруэ на склад вместе с колокольней и медной кухонной посудой... Это разрушет легенду о том, что памятник был осыпан непогодной толпой в день объявления войны с Россией. В глубине парка до сих пор стоит гранитная глыба, служившая пьедесталом для памятника.

Я. Палевский.
Баденвейлер.